

в фольклоре дунган, являющемся ценным материалом для изучения истории и этнографии этого народа.

Большое место в дунганском фольклоре занимает сказка, оказавшая значительное влияние на изобразительное искусство дунган, в частности на их вышивки. Х. Юсуровым записано пятьдесят пять дунганских сказок, всего их зарегистрировано около ста. В рецензируемом сборнике помещено двадцать пять сказок. Это преимущественно фантастические, вернее мифологические, сказки о джинах и драконах, о людоедах — Е-гуйе, о белом тигре и белой обезьяне, о бессмертных Шань-сянах. Дано в сборнике и несколько бытовых и сатирических сказок, главным образом, нравоучительного характера, одна детская сказка и две авантурные устные повести.

Сказки, записанные Х. Юсуровым, которым сделан и их подстрочный перевод, литературно обработаны В. Шахматовым. Перед составителями стояла сложная задача перевода сказок с шеньсийского диалекта дунганского языка на русский. Переводчики стремились сохранить национальный колорит подлинника, не загружая текст специфическими дунганскими словами и выражениями. К сожалению, в переводе не удалось сохранить самое важное для фольклорного текста — народности языка. Сказки, изложенные канцелярским, казенным слогом, звучат книжно; изложение порой грешит против правил русского языка как, впрочем, и предисловие, в котором говорится о «народном фольклоре» дунган. Встречаются такие языковые погрешности, как «одевая платок», такая тяжеловесная книжная лексика, как «На дереве сидел большой паук, который много лет приобретал себе огненные глаза». Утомительны и излишни постоянные инверсии, к которым прибегают переводчики: «Но вот однажды, когда ночью усталый брел Фу-ди по ущелью... «Когда подошел Фу-ди близко»... «И вот раз услышал Фу-ди у стариков». Прием этот приводит к интонационному однообразию и вместе с тем все же не передает специфику дунганского синтаксиса. Предисловие к сборнику — одно из лучших кратких изложений истории дунган.

Приходится пожалеть, что составители не дали материала, который бы характеризовал бытование собранных ими сказок. Очень интересны сведения о старике-сказочнике Хия Ваухунове — знатоке героического эпоса, сказок и песен. По словам составителей, Ваухунов знает много казахских, киргизских и арабских сказок, но, к сожалению, не сказано, насколько последнее типично для дунганских сказочников. Кроме Ваухунова в предисловии упоминается еще только один сказочник, о творчестве которого не дано никаких сведений. Несмотря на то, что творчеству Ваухунова уделено сравнительно большое внимание, не указано, какие именно сказки из числа приведенных в сборнике записаны от него. Неизвестно, от кого записаны остальные сказки, со сколькими сказочниками имел дело собиратель, что собой представляет их репертуар, какую роль играет сказка в современном быту дунган. Составители отмечают, что Ваухунов пользуется популярностью среди дунганской молодежи, но ничего не говорят о том, перенимает ли последние его сказки, продолжает ли старая сказка, в основном принесенная из Китая, жить среди молодых дунган, родившихся и выросших на территории Казахстана и Киргизии. В сборнике не дано паспортизации материала. Неизвестно, когда, где, от кого записаны отдельные тексты. Территория указана лишь для всего сборника. Глухо сказано, что записи производились «в разное время».

Жаль, что составители не положили начала исследованию дунганской сказки, дав хотя бы краткий комментарий и указав основные параллели к опубликованным ими сказкам. Отдельные замечания, имеющиеся в предисловии, недостаточны и порой голословны. Вряд ли можно согласиться с тем, что дракон — владыка восточных морей — «вполне идентичен морскому царю русских сказок» или что сюжет сказки «Ахун и преступник Ду-фу» «целиком заимствован из арабской сказки. Все эти недочеты снижают значение сборника, самый факт появления которого в печати несомненно является немаловажным событием как в изучении истории, этнографии и искусства дунган, так и в историографии общего сказковедения.

Надо надеяться, что следующий выпуск «Дунганских сказок» не заставит себя долго ждать и будет издан с учетом тех требований, которые современная наука предъявляет к публикациям фольклорных текстов.

Э. Гофман-Померанцева

НАРОДЫ ЕВРОПЫ

«*Costumes nationaux*», Preface par André Varagnac, conservateur-adjoint du Musée National des Arts et traditions populaires. Dessines par Lepaj-Medvey. Autriche, Hongrie, Pologne-Tcheco-Slovaquie. Paris, 1939, 20 pp. + 40 tables.

Андрэ Вараньяк в своем предисловии пытается объяснить не только художественную ценность тех рисунков, которые выполнены Лепаж-Медвейем, но и их научное значение. Рисунки же эти выполнены схематически — Вараньяк сам называет их «схематическими силуэтами». И на самом деле, рисунки костюмов напоминают кустарные игрушки, ярко раскрашенные всеми цветами, какими только располагал художник. В отношении красочности, нарядности, богатства костюмных форм рисунки Лепаж-Медвейя могут соблазнить любителя народных произведений или, как говорят

французы, традиций. Они могут иметь большой успех на театральной сцене, в костюмированных ассамблеях. Но в научном отношении они никакой цены не имеют. Скорее наоборот — представленные художником «силуэты» могут ввести этнографа и других специалистов в заблуждение. Весьма вероятно, что художник рисовал не по представлениям личной фантазии, что он имел перед собой научно зарисованные или снятые фотографией образцы. В тексте дан особый список источников, большинство очень давнего времени. Так, для Австрии указаны издания 1804, 1813 и другие — начала XIX в. Из более новых упомянута лишь одна работа: *N a m m e r s t e i n*, *Trachten der Alpenländer*, 1930. Для Венгрии указаны книги сравнительно более новые — начала XX в., в частности издания этнографического отдела Национального музея Венгрии, из них: для Чехословакии указаны известные чешские издания в Праге 1923 г. и др., Польша показана в источниках по народному искусству, но по костюму — мало. В научной же литературе польских этнографов этот раздел представлен богато. Не отрицая художественного интереса воспроизведенных красочных схем народного костюма, надо признать, что для специалиста-этнографа нужны не они, а работы, подобные указанным в библиографическом списке.

Вл. Богданов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

E. Neufeld, *Ancient hebrew marriage law*, With special references to general semitic laws and customs, London — New York — Toronto, 1944, XIX—304.

Новейшая, наиболее обширная и наиболее обстоятельная монография на тему, имеющую уже довольно значительную специальную литературу. Работа состоит из четырех частей. Часть первая — «Формы брака» — посвящена левирату, матрилокальному поселению, особой форме брака с удочерением свободной женщины, браку путем похищения, браку с обоюдного согласия, покупному браку, приданому, предбрачному дару и прочим свадебным подаркам, многоженству и конкубинату. Во второй части, «Заключение и расторжение брака», исследуются брачный выбор, сговор, свадебные обряды, брачный контракт, внебрачные связи, развод. Третья часть посвящена препятствиям к заключению брака, в частности — родству и свойству, запрещению брака для жрецов, этнической принадлежности и религии; особо разбираются вопросы о браке евнухов и незаконнорожденных. Часть четвертая трактует вопросы правового положения родителей и детей, мужа и жены. Приводится библиография предмета, однако, далеко не исчерпывающая.

М. К.

Henry Field and J. B. Glubb, *The Jezidis, Sulubba and other tribes of Iraq and adjacent regions* (General Series in anthropology, № 10), Menasha, Wisconsin, U. S. A., 1943, 17.

Краткий очерк известного американского антрополога Генри Фильда содержит интересные и ценные сведения о езидах, обитающих в качестве оседлых земледельцев, в числе около 25 тысяч человек, в Ираке, преимущественно в округах Балад Синджар и Шейх Ади. Сообщив о различных предположениях касательно происхождения и миграций этой группы и дав справку об их политических судьбах последнего времени, автор описывает преимущественно их религию и религиозную организацию. Данный материал был собран автором во время его экспедиции, имевшей преимущественно антропологические цели, в Ирак от Фильдовского музея в 1934 году. Еще более краткая заметка колониального офицера Глебба сообщает беглые сведения об одном спорного происхождения племени — сулубба (согласно некоторым домыслам, они считались потомками крестоносцев). Кочуя крайне изолированно в наименее доступных местах пустыни, племя это находится однако в подчинении у арабов — бедуинов, которым платит дань. Такими же «низшими» считаются у арабов и некоторые другие кочевые племена Ирака, этнографически значительно отличающиеся от сулубба.

М. К.

Chr. Furer-Haimendorf, *The Chenchus, Jungle folk of the Deccan*, London, 1943, XXII + 391.

Эта книга представляет собой первый том задуманной автором серии «The aboriginal tribes of Hyderabad». Автор, австрийский ученый, переселившийся перед войной в Англию, известен уже своими многочисленными работами о племенах Восточной Индии, печатавшимися в течение ряда лет в журналах «Anthropos», «Journal of the Royal Anthropological Institute» и др. Его работа «The Naked Nagas», вышедшая в 1939 г., содержит интересные данные о народе коньяк — одном из племен нага в Ассаме. Книга о племени ченчу, до сих пор мало изученного в этнографическом отношении, — результат двухлетней полевой работы автора среди племен Хайдерабада. Из общего числа ченчу (около 4000) автор выбрал группу в 426 человек, живущую на Амрабадском плато в среднем течении Кистны, так как эта группа менее других подверглась внешним влияниям. Шесть месяцев 1940 г. автор изучал только эту группу и собрал